

УДК 930.25

Журавлёв Александр Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: crane_62@mail.ru

ИСТОЧНИКИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
О БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА

Аннотация. В статье рассматривается ситуация, с которой столкнулось руководство 1-го Ленинградского медицинского института в сложнейших условиях блокированного города. На материалах историко-политического архива просматривается позиция членов партии и партийного бюро в деле организации нормальной работы института и клиник. В сравнение с приказами директора института показана деятельность по организации учебного процесса, организации эвакуации студентов и сотрудников института. Сложность работы заключалось в том, что сотрудники института находились в постоянном состоянии стресса из-за голода, бомбардировок, холода.

Ключевые слова: 1 Ленинградский медицинский институт, блокада Ленинграда, профессор И.Д. Страшун, студенты, партийное бюро.

Zhuravlev Alexander Alekseevich, PhD, assistant professor of department of history in Pavlov First Saint Petersburg State Medical University, St. Petersburg, Russia

e-mail: crane_62@mail.ru

SOURCES OF CENTRAL STATE ARCHIVE OF HISTORICAL-
POLITICAL DOCUMENTS OF ST. PETERSBURG RELATED TO BLOCKADE

Abstract: The article examines the situation that the leadership of the 1st Leningrad Medical Institute faced in the most difficult conditions of the blockaded city. The position of the party members and the party bureau in organizing the normal work of the institute and clinics is examined using materials from the Archive of historical-political documents. The activities to organize the educational process, organize the evacuation of students and employees of the institute are shown in comparison with the orders of the director of the institute. The complexity of the work was that the employees of the institute were in a constant state of stress due to hunger, bombing, and cold.

Key words. 1 Leningrad Medical Institute, blockade of Leningrad, professor I.D. Strashun, students, party bureau.

Основу фондов Центрального государственного архива историко-политических документов составил бывший партийный архив г. Ленинграда, а также документы советских, комсомольских и партийных организаций. Документы этого архива легли в основу многих кандидатских и докторских диссертаций, а также монографий, посвящённых советскому периоду г. Ленинграда. Одной из последних монографий является работа профессора Г.Л. Соболева «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде». Автор в своей работе использовал огромный комплекс документов из различных архивов.

В своей работе мы обратимся к материалам архива, для рассмотрения вопроса как жили и работали в блокированном городе профессорско-преподавательский состав 1 Ленинградского медицинского института. В фонде хранятся протоколы партийных собраний и партийного бюро института. Большинство протоколов отпечатано на пишущей машинке, как правило, это вторые экземпляры, но встречаются третьих и четвёртых экземпляров. Таким образом, в прочтении материалов возникают сложности и в понимании напечатанного материала.

Вопрос об эвакуации людей из заблокированного Ленинграда остаётся до сих пор спорным у исследователей. По материалам фонда интересно проследить, как менялось отношение к этому вопросу в период блокады. Назначенный Народным комиссариатом здравоохранения СССР исполнять обязанности директора института профессор И.Д. Страшун на заседании Учёного совета института выступил с речью 31 июля 1941 года. «я категорически отклонил мысль об эвакуации нашего института. Я считаю, что врачи никогда не должны и не уходили первыми из города, врачи уходили последними». [14, л.94об.] Через две недели, 14 августа 1941 года на заседании партийного бюро был заслушан вопрос об эвакуации детей из города. Перед членами бюро выступил секретарь партийной организации, одновременно и заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Н.Я. Давидович. Он сообщил, что «из города планируется вывезти около 1 млн. человек, в том числе всех детей до 14 лет. Поэтому составляются списки сотрудников имеющих детей». [7, л. 2об.] По приказам института за этот период видно, что начинали эвакуировать и студентов различных курсов. Уже 21 августа 1941 года был издан один из первых приказов об эвакуации студентов в количестве 55 человек, со II по IV курсы. [3, л. 77 - 78] 27 августа были эвакуированы ещё 41 студент с I по IV курс. [3, л.98 - 99] Эвакуация студентов и сотрудников продолжалась и в начале 1942 года. В приказе по институту от 21 февраля 1942 года было указано, что «отчисляются 31 студент I - IV курсов из института в связи с эвакуацией». [4, л. 78]

Профессор И.Д. Страшун, выступая на совещание директоров Ленинградских медицинских вузов, с заместителем Председателя комитета по делам высшей школы сообщил, что «из 46 профессоров уехало 12, но это не отразилось на учебном процессе, так как взамен остались опытные заместители. Видная профессура, в лице Г.Ф. Ланга, Г.В. Шора, К.К. Скробанского категорически отказывается выехать». [10, л. 2] На этом же совещании он предложил своё виденье ситуации с медицинскими вузами Ленинграда. «По опыту Москвы один вуз можно было бы оставить в Ленинграде, в качестве

сводного, хотя бы на базе 1 ЛМИ, где студенчество более сконцентрировано как в учебном, так и в бытовом отношении, я в этом вузе оставил бы ту молодёжь, которую сможем собрать осенью, а также профессоров, доцентов, ассистентов». [10, л. 3] После страшной зимы 1941-1942 года вновь возник вопрос об эвакуации института. В институте обсуждая вопрос об эвакуации учебного заведения, говорили о выезде в г. Архангельск или г. Иркутск. Профессор И.Д. Страшун, выступая с докладом о положении института в настоящее время, сообщил, что «вопрос об эвакуации института обсуждается». [12, л. 18] В апреле 1942 года было эвакуировано из города 1.200 студентов младших курсов из всех медицинских вузов города. Первоначально студенты и сотрудники института были направлены в Кисловодск, но быстрое продвижение германской армии на южном направлении, заставило пересмотреть решение, и институт был отправлен в Красноярск. [1, с. 9-16]

Одним из важных вопросов, рассматриваемых на собраниях партийной организации института, был вопрос о дисциплине. Следует отметить, что это касалось как студенчества, так и профессорско-преподавательского состава. К занятиям в институте приступили 28 сентября 1941 года. С началом блокады Ленинграда в институте был изменён график занятий. Студенты I курса начинали занятия с 8.00 часов, II и III - с 9.00. Продолжительность занятий для учащихся I курса была установлена до 17 часов, для II и III – до 17.50. [3, л. 223]

Стремление продолжить подготовку специалистов и нормализовать ситуацию с учебным процессом, заставило директора издать несколько приказов. В октябре 1941 года директором института был издан приказ регламентирующий работу студентов в военное время. Для учащихся всех курсов вменялось обязательное посещение лекций и практических занятий. Ни один студент, не отработав обязательных практических занятий и не сдавший соответствующих зачетов, не будет допущен к остальным зачётам и экзаменам. Студенты, пропустившие без ведома деканата свыше двух лекций и практических занятий, не допускаются к сдаче экзаменов и зачётов, а повторно

пропускающие – будут исключены из института. Деканату и старостам групп вести строгий учёт пропусков занятий, с обязательным ежедневным представлением сведений старостами в деканат и еженедельным представлением деканатом сведений о пропусках в учебную часть.[3, л. 312] К концу 1941 года были пересмотрены программы специальных дисциплин в сторону увеличения часов на важнейшие специальные дисциплины. За счёт сокращения гигиены, патологической анатомии, педиатрии и других дисциплин. [11, л. 18]

Стремление администрации института навести порядок в деле обучения студентов, не давало быстрого и желаемого результата. В 1930-х годах не раз обсуждали вопрос о не посещении студентами лекций и практических занятий, но решить эту проблему не смогли. С началом нового учебного года вновь обсуждали ситуацию, что «студенты плохо посещают занятия, в результате чего занятия срываются». [11, л. 6] Причинами не явки студентов на занятия являлись перегруженность различными видами работ. Дежурства в госпиталях, работа в системе МПВО и другие виды общественных работ. Директор института профессор И.Д. Страшун в своём докладе информировал, что «студенты I и II курсов без отрыва от учёбы пройдут в течение 4-х месяцев специальные курсы медсестёр. Студенты III курса обязаны вести дежурства в качестве медицинских сестёр и лекарских помощников». [11, л. 18] По мнению профессора Н.И. Озерецкого, часть студенчества не являлось на занятия «объясняя это семейными обстоятельствами, состоянием здоровья, переездами и прочее». [7, л. 24] Но были и другие мнения. Профессор В.Г. Гаршин заявил, что «посещаемость занятий с каждым разом растёт, занимаются довольно активно, если принять во внимание, что многие работают». [7, л. 9] Следует отметить, что претензии предъявлялись не только к студентам, но и к преподавателям. Профессор Н.И. Озерецкий в докладе обратил внимание на ситуации, когда на занятиях присутствуют 2-3 человека и «профессор обсуждает вопрос, а стоит ли заниматься с ними». [7, л. 8] Обратим внимание, что в сложнейших условиях блокированного города, недостатка питания и

огромным объёмом работы ставился вопрос о качестве подготовки врачей. В приказе по институту было указано «рекомендовать профессорско-преподавательскому составу производить экзамен по билетам. Билеты не являются для экзаменатора ограничением того круга вопросов, которые он может задавать студенту. Предлагается наряду с билетом для выявления подлинных знаний экзаменуемого задавать такие вопросы по всему курсу, а также по дисциплине, служащие основой сессии, которые являются подсобным для сдаваемого предмета. Например, при сдаче экзамена по терапии, задавать вопрос по патологической физиологии, патологической анатомии, гистологии, чтение рентгеновских снимков, электрокардиограммы и тому подобное». [5, л. 76] О плохом состоянии работы со студентами комсомольцами позволяют судить материалы отчётов комсомольской организации института. 5 марта 1943 года был заслушан отчёт комсомольской организации. В 1943 году членов комсомола было 251 человек. Было указано, что за прошедший период «было написано 25 писем на фронт, и собрали 1.000 руб. для подарков бойцам. Организовали лыжный кросс, в котором приняло участие 650 человек. Главными недостатками для комсомола стали: плохая дисциплина, политическая работа проводится слабо, мал рост комсомольской организации. За 2 месяца было принято 3 человека». [13, л. 16=17]

В тяжелейших условиях блокированного города студенты не только учились, но и выполняли разнообразные другие виды работ, что не могло не сказываться на успеваемости. На заседаниях партийного бюро и на заседаниях партийной организации обсуждали ситуацию со сдачей экзаменов. В это время проявилось явление, которое редко встречалось в предшествующий период. Не явка учащихся на экзамен стала распространённой формой поведения студентов, причём это касалось всех курсов без исключения. 5 февраля 1943 года декан А.И. Науменко в своём докладе об экзаменационной сессии отметил, что студентов «не явившихся на экзамен по кожным болезням 8 человек, по детским болезням – 15, по акушерству – 10. За неявку на экзамены принято решение исключить из института 7 человек». [9, л. 7] Профессорско-

преподавательский состав стремился не снижать качество подготовки специалистов. Секретарь партийной организации С.Н. Иванов в своём докладе отметил о «необходимости добиться 100% посещаемости занятий студентами, изжить некоторый либерализм со стороны ряда кафедр и преподавателей по отношению к студентам». [13, л. 31] В итоге партийное собрание института констатировало «в ноябре 1942 года выпущено 225 молодых, хорошо подготовленных врачей». [13, л. 31]

Нарушение трудовой дисциплины касалось не только студентов, но и преподавателей. На заседании 22 ноября 1941 года профессор Н.И. Озерецкий отметил, что «кафедры также нарушают дисциплину, опаздывают преподаватели». [7, л. 24] Обсуждение вопроса о трудовой дисциплине происходил на всех заседаниях партийного бюро института в 1942 году. 17 ноября 1942 года была проведена проверка явки сотрудников института на работу. Во время проверки было выявлено, что «опоздало на работу до 20 минут – 13 человек, а свыше 20 минут – 7. Не сняли своих рабочих номеров – 60 человек». [8, л. 72]

В условиях нехватки продовольствия в блокированном городе партийное и советское руководство приняло решение о развитии огородных товариществ, по примеру существовавших в период Гражданской войны. На заседании в мае 1942 года было принято решение «разбить, вспахать и засеять огороды на площади 8.000 кв. метров силами работников института». [12, л. 20] На заседании партийного бюро отметили, что «семена многих огородных культур получены, желающих работать предостаточно, но очень тяжёлые почвы». [8, л. 31] К тому же повторились проблемы, которые проявлялись и в годы Гражданской войны. Посевы огородников подвергались расхищению. На партийном бюро прозвучало обвинение, что «администрация института не обеспечила огородное хозяйство охраной по этой причине, имеют место хищения с гряд рассады и молодых всходов, вытаптывание грядок». [8, л. 39] В октябре 1942 года, подвели итоги уборки урожая овощей с огородов. «Собрали 11 тонн капусты и свёклы, 1,5 тонны передали Тресту столовых, 4 тонны

засолили, остальное нужно сейчас переработать». [12, л. 47] Удачный опыт 1942 года решили повторить в 1943 и расширить территории под огороды. На заседании в апреле 1943 года обсуждали о выделенных новых территориях под огороды для сотрудников института. Главной проблемой для огородников стала удалённость выделяемых территории от института «вопрос об индивидуальных огородах в Кузьмолowo, но далеко». [13, л. 44] Обсуждая вопрос о новой огородной компании, партийное бюро указало, что «в прошлом году была обработана площадь в 2 гектара, в этом году выделяют 18 гектар, из них 10 на подсобном хозяйстве и 8 – индивидуальные огороды. Землю нам выделили в Кузьмолowo. Заготовили инвентарь: 70 граблей, 100 лопат, 10 леек и 50 вёдер. Выделена только одна лошадь, необходимо договориться с МТС о помощи техникой. Нехватка удобрений, так как почвы очень бедные. Семена обещали дать, но нет жилья, придётся рыть землянки. Для индивидуальных огородов нужно решить вопрос как обрабатывать – индивидуально или коллективно, записалось 812 человек». [9, л. 22] По завершению обсуждения вопроса об огородах было принято решение. Обязать дирекцию института обеспечить необходимым инвентарём, Обязать главврача и начальника отдела кадров подобрать лиц имеющих опыт сельхоз работ. Дирекции в ближайшее время подобрать и утвердить директора подсобного хозяйства. Усилить сбор золы как удобрения. [9, л. 24] 7 мая 1943 года вновь обсуждали ситуацию с огородами. В частности отмечалось, что «записалось 850 человек, а деньги сдали 619. Как только земля будет вспахана, будут отправлять бригады, получили 3 ведра семян, но только трёх видов». [9, л. 26]

По материалам партийных документов ситуация с огородным хозяйством обстояла удовлетворительно, но негативные явления встречаются в приказах по институту за этот период. В приказе по институту от 3 сентября 1942 года зафиксировано негативное явление на общественных огородах. Сотрудники института и больницы положили не мало труда и времени на обработку своих огородов для обеспечения себя и своих семей овощами на зиму. «Сейчас, когда овощи начинают поспевать, ежедневно обнаруживаются случаи краж овощей с

огородов, причём кражи, как показали наблюдения, производятся не только посторонними лицами, но и нашими сотрудниками. Так, например, 2 сентября 1942 года утром была поймана на огороде за кражей овощей санитарка пропедевтической терапевтической клиники Трофимова Анна Андреевна. Причём, будучи пойманной на месте совершаемого ею преступления, позволила себе просить поймавших скрыть её преступление, обещая им за это разные услуги со своей стороны. Считаю подобные факты возмутительными и недопустимыми, приказываю:

1. санитарку Трофимову немедленно снять с работы;
2. всему персоналу, проходящему по саду, обращать внимание на лиц, ходящих по огородам и по траве сада, не допуская кражи овощей, порчи травы, кустов и деревьев.

3. предупредить весь персонал, что за кражу с огородов, кражу социалистического и личного имущества виновные будут привлекаться к суду по условиям военного времени». [5, л. 107] 10 мая 1943 года был издан приказ по вопросу о личных огородах. «Мною замечено, что в связи с началом работ на огородных участках, предоставленных на территории института и больницы рабочим и служащим для их личных нужд. Последние, совершают грубые нарушения трудовой дисциплины, в рабочее время производят обработку земли под огороды. Приказываю:

- всем заведующим клиниками, отделениями, кафедр и отделами запретить своим рабочим и служащим в рабочее время обрабатывать свои личные огороды;

- на всех рабочих и служащих, нарушивших настоящий приказ, необходимо подавать рапорты в отдел кадров на предмет привлечения их к судебной ответственности, как за нарушение указа от 26 июня 1940 года;

- отделу кадров передавать дела о нарушениях трудовой дисциплины в народный суд немедленно;

- запретить нахождение рабочих и служащих на огородных участках в белых халатах». [6, л. 18]

Следует отметить, что подобные явления были редким исключением, и большинство сотрудников института не совершали проступки.

В партийных документах медицинского института содержатся материалы о приёме в партию ВЕП(б), восстановление в рядах партии и исключение из неё. Осенью 1941 года, когда уже началась блокада Ленинграда, на партийном собрании 21 октября 1941 года обсуждался вопрос о восстановлении в рядах партии профессора педиатра Эдды Абрамовны Горницкой. Она подала документы о восстановлении её в рядах партии, так как она состояла в ней с 1920 по 1938 года, и была исключена из-за ареста её мужа Е.И. Цукерштейна, как жена врага народа. 10 сентября 1941 года он был реабилитирован, и это обвинение утратило силу. Директор института И.Д. Страшун выступил в её поддержку, заявив, что «знает Горницкую с 1925 года, как очень добросовестную, принципиальную. Помнит, что она во время борьбы с правой оппозицией всегда занимала и поддерживала генеральную линию партии. Считает, что товарищ Горницкая должны быть в партии». [11, л. 9] Товарищи по партии проголосовали за восстановление в рядах ВКП(б), в дальнейшем она отправится в эвакуацию в Красноярск. По возвращению в Ленинград вновь возглавит кафедру детских педиатрии в 1 ЛМИ, которую оставит в 1968 году. [2, с. 79]

Одной из задач партийной организации было организовать и направлять инициативу граждан в помощь фронту. В СССР с началом войны был учреждён Фонд обороны, в который перечислялись пожертвования от частных лиц. Для сбора средств в Фонд обороны страны в институте была создана специальная комиссия под председательством профессора В.Н. Иванова и членов Е.А. Левковская (лаборант 2 терапии) и Е.Н. Михайлова (техник-лаборант партбюро). [3, л. 26] В конце 1941 года был представлен отчёт о собранных средствах в фонд обороны. Сотрудниками и студентами института были переданы 893 кг. медного лома, 74 кг свинца, 2.400 гр. серебра, 26 грамм золота, 58.510 руб., 37.850 руб. облигациями и 1.007 шт. тёплых вещей для бойцов и командиров. 17.500 руб. на танковую колонну имени Ленинского

комсомола, и распространили билеты денежно-вещевой лотереи на сумму 12.500 рублей. Отличились профессор К.К. Скробанский, внёсший 1.000 руб. и 5.000 руб. облигациями. Студентка II курса Кузнецова передала обручальное кольцо. Профессор П.А. Останков передал 1.700 руб., ассистент Дубровская 2.700 руб. [7, л. 43]

Подводя итог, следует отметить, что в сложнейших условиях военного времени профессорско-преподавательский состав и сотрудники медицинского института выполняли свой гражданский долг. В сложнейших условиях блокированного города они продолжали готовить необходимые для фронта медицинские кадры, и оказывать помощь раненым бойцам и гражданскому населению города. Многие сотрудники института были награждены медалью «За оборону Ленинграда», а профессора С.Н. Лисовская и З.В. Оглоблина награждены орденом Трудового Красного знамени.

Список сокращений

ПСПбГМУ имени академика И.П. Павлова – Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

Список литературы

1. Карташев И.В., Карташев А.В. К вопросу о судьбах преподавателей и студентов 1-го Ленинградского медицинского института в годы Великой Отечественной войны // Учёные записки Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова. 2021. № 28 (1). С. 9–16.
2. ПСПбГМУ имени академика И.П. Павлова. Биографический словарь профессоров за 120 лет. СПб.: Премиум-пресс. 2017.

3. Приказы по институту август-октябрь 1941 год // ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 4. Д. 138.
4. Приказы по институту январь-июнь 1942 год // ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 4. Д. 166
5. Приказы по институту июль- декабрь 1942 год // ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 4. Д. 167.
6. Приказы по институту январь-декабрь 1943 года // ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 4. Д. 192.
7. Протоколы заседаний партбюро 1941 год // ЦГАИПД СПб. Ф 257. Оп. 2. Д. 2
8. Протоколы заседаний партбюро 1942 год // ЦГАИПД СПб. Ф 257. Оп. 2. Д. 5
9. Протоколы заседаний партбюро 1943 год // ЦГАИПД СПб. Ф 257. Оп. 2. Д. 10.
10. Протокол совещания директоров Ленинградских медицинских вузов с заместителем Председателя комитета по делам высшей школы «О задачах медицинских вузов в связи с началом военных действий». Февраль 1942 года // ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 4. Д. 169.
11. Протоколы общего собрания парторганизации 1941 год //ЦГАИПД СПб. Ф 257. Оп. 2. Д. 1.
12. Протоколы общего собрания парторганизации 1942 год // ЦГАИПД СПб. Ф 257. Оп. 2. Д. 4.
13. Протоколы общего собрания парторганизации 1943 год // ЦГАИПД СПб. Ф 257. Оп. 2. Д. 9
14. Стенографический отчёт заседаний Учёного совета института. Т. 3. Лето 1941 года / /ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 4. Д. 151.